

© 2003 г.

А.С. БАЛАБАНОВ, Е.С. БАЛАБАНОВА

**СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО: ФАКТОРЫ УГЛУБЛЕНИЯ
ДЕПРИВАЦИИ**

БАЛАБАНОВ Антон Сергеевич – ассистент кафедры прикладной статистики Нижегородского государственного университета. БАЛАБАНОВА Евгения Сергеевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы этого же университета.

События последних 10 лет привели к интенсивному социально-экономическому расслоению населения России. Приводятся данные о том, что квинтильный коэффициент дифференциации доходов возрос с 2,5-3 раз в конце 80-х до 7-9 раз в 2001 г. [1], децильный в феврале 2003 года равнялся 14 [2]. Есть основания говорить о происходящей поляризации в стране, то есть направленности социальной и экономической мобильности к полюсам социальной структуры. Последствия этих процессов видны уже сейчас – формирование взаимоисключающих интересов "верхов" и "низов", "геттоизация" больших групп населения на низших уровнях социальной иерархии без перспектив улучшения их положения.

Социальная поляризация обусловлена кумулятивным характером социальных процессов, означающем концентрацию на одном полюсе богатства, а на другом - бедности. То есть, наиболее вероятно закрепление

высокого статуса и его дальнейшее повышение высокоресурсными группами (процесс "накапливания преимуществ"), представители же низкоресурсных групп в условиях конкурентного общества оказываются главными кандидатами на "углубление депривации", или накопление неблагоприятных социальных обстоятельств.

В настоящее же время Россия подходит к новому этапу развития своей социальной структуры [1], который можно обозначить как **институционализация неравенства**, или, в терминологии П. Штомпки, возникновение прочной иерархии привилегий и лишений в отношении доступа к желаемым благам и ценностям [3]. Это закрепление неравных стартовых позиций для новых поколений, передача раз достигнутого высокого богатства и социального статуса детям и, напротив, лишение "проигравших" и их потомков важнейших экономических, политических и культурных ресурсов общества, блокирующее им возможности восходящей мобильности.

Давнюю традицию в построении различных схем воспроизводства богатства и бедности имеют макроэкономические теории. Например, теории "порочных кругов нищеты", зародившиеся в западных экономических школах в 40-х гг. XX в., объясняют воспроизводство неблагоприятных обстоятельств различных обществ через замкнутые циклы в развитии, в процессе которых общество проходит через ряд состояний, в итоге возвращаясь к исходному [4]. В социологии указанная проблема нашла отражение в работах Маркса (тезис о прогрессирующей поляризации общества и пауперизации пролетариата); М. Вебера в его понятии неравных "жизненных шансов"; в неэволюционистских теориях стратификации [5]. Анализ повторяющегося характера социальных процессов представлен в теории структуризации Э. Гидденса, рассматривающей воздействие каузальных витков [6].

В настоящее время кумулятивному характеру социальных процессов большое внимание уделяется в концепции социального исключения. В отличие от сформировавшейся в предшествующие десятилетия традиции изучения бедности как статичного явления (недостаточного уровня потребления), новая концепция акцентирует внимание на динамических аспектах неравенства ("процесс исключения"). Она вводит понятие "множественности социальных проблем" – накапливания, подобно снежному кому, взаимопорождающих негативных жизненных обстоятельств [7-11]. Работы этих авторов показывают ограниченность "финансового", статического подхода к изучению бедности, необходимость использования неэкономических индикаторов, анализа ее в терминах накапливания неблагоприятных обстоятельств. Концепция социального исключения активно ориентирована на практическую деятельность в сфере социальной политики. Она способствовала пониманию того, что старые методы борьбы с бедностью в виде социальных трансфертов в лучшем случае позволяют поднять уровень потребления низших слоев, но не повышают "жизненные шансы" последних, фактически, консервируя их ущемленное положение и зависимый от государства экономический статус. Отмечается также, что рост национального благосостояния сам по себе не решает проблемы накапливания неблагоприятных жизненных обстоятельств. К нему ведут не столько низкие доходы как таковые, сколько неравенство в доходах.

В последнее десятилетие понятие социального исключения стали использовать и отечественные исследователи. Наиболее известны работы Ф.М. Бородкина [12], результаты исследования исключений сельского населения [13]. Стратегиям домохозяйств по совладанию с социальным исключением было посвящено исследование М. Локшина и Р. Емцова [14]. Отечественная литература по проблемам бедности стала также оперировать понятием кумулятивного характера социальных процессов.

Факторы прогрессирующего неравенства. Анализ отечественных и зарубежных публикаций позволяет дать качественную характеристику процессов накопления преимуществ / углубления депривации в разных сферах жизни общества и их причин.

Процессы глобализации. Самый масштабный уровень воспроизводства и углубления неравенства связан с тенденцией к образованию всемирной инвестиционной среды и интеграции национальных рынков капиталов, известной как "глобализация". Следствием ее становится обострение межстрановой конкуренции и, как следствие этого, накопление преимуществ странами "золотого миллиарда" и исключение бедных стран от инвестиционных ресурсов, которые могли бы позволить им догнать западный мир. Известно, что 72% мировых иностранных инвестиций в настоящее время приходится на капиталовложения США, ЕС и Японии друг в друга, а пользователями Интернет являются 93% населения богатых стран и только 0,2% - из бедных. Структура экономики бедных стран, ориентированных на индустриальное производство и экспорт сырья, становится "ловушкой": увеличение уровня потребления в них возможно лишь за счет сверхэксплуатации природных и человеческих ресурсов, что в конечном счете ведет к их истощению. Напротив, богатые постиндустриальные страны, обладающие таким безграничным ресурсом, как информация и знания, и производящие их, непрерывно увеличивают свой экономический и интеллектуальный капитал и тем самым укрепляют фундамент своего благополучия [15].

Характер использования экономических ресурсов домохозяйств. Большое количество исследований посвящено анализу ресурсов, которыми обладают экономические акторы. Однако объяснение механизма порождения неравенства доходов предполагает не только фиксацию *обладания* теми или иными ресурсами, но и выявление *характера их использования*. Так, данные исследований показывают, что фактором укрепления экономического

благополучия обеспеченных домохозяйств и дальнейшего ухудшения ситуации бедных является сама структура домашних расходов – преобладание у обеспеченных семей доли "стратегических", направленных на укрепление экономического и человеческого капитала семьи (инвестиции в образование, покупка недвижимости, сбережения), у бедных – текущих, направленных на выживание [16].

Помимо материальных расходов бедных и богатых домохозяйств, фактором, обуславливающим их поляризацию, является также объем временных затрат на домашний труд. В бедных семьях, где ограничены возможности пользования платными услугами, наблюдаются самые высокие трудозатраты на домашний труд (у мужчин – 30 часов в неделю, у женщин – 53), у обеспеченных – 20 и 41 час в неделю [17]. Соответственно, у последних значительно больше возможностей перераспределять свое время в пользу оплачиваемой занятости, образования, досуга, то есть на максимизацию дохода и наращивание своего семейного капитала.

Кроме того, хорошая имущественная обеспеченность сама по себе может стать основой будущего благополучия состоятельных семей [11, 18]. В частности, наличие жилья в собственности – это средство сбережений, которое может быть передано следующим поколениям или конвертировано в денежный капитал. Для бедных же семей, арендующих жилье, последнее не является активом, поэтому расходы на его содержание принимают "затратный" характер.

Человеческий капитал: неравный доступ к образованию. Экономическое неравенство является отражением неравных инвестиций в общее и профессиональное образование [19]. Образование как фактор социальной дифференциации рассматривалось многими представителями социальной теории. Противоречивые функции образования – передавать статус от поколения к поколению и в то же время изменять его – были отмечены П. Сорокиным; связь системы образования с борьбой различных статусных

групп за овладение богатством, властью и престижем через механизмы поддержки "своих" и создание препятствий для "посторонних" – Р. Коллинзом; проблема упрочения классового неравенства в школе поднимается неомарксистами [20].

В современной французской социологии социальная мобильность и неравенство возможностей рассматриваются через неравные возможности получения образования для выходцев из разных социальных слоев и образовательные траектории индивидов. В частности, П. Бурдьё отмечал, что скрытое назначение школы – это легитимация "наследников" и стремление убедить остальных в том, что они исключены законно. По данным исследований, у детей из низших слоев более короткий период обучения, и большинство из них ограничиваются достижением социального статуса родителей. Это объясняется слишком большими издержками на получение образования пропорционально семейным доходам и большим риском инвестиций в образование, которое является условием необходимым, но недостаточным для занятия высоких социальных позиций [21].

Исследования в постсоциалистических странах также показывают, что степень открытости социальных структур в значительной мере обусловлена образовательной мобильностью. Так, в Польше вместе с углублением экономического неравенства появляется фактор "добавляющая сила социального происхождения" – закрывается доступ к образованию представителей рабочего класса, в то время как шансы получить высшее образование у выходцев из интеллигенции значительно возросли [22].

Среди отечественных исследователей проблема социальной селекции в системе образования, возможности трансмиссии высокого статуса и восходящей социальной мобильности рассматривается в работах Д.Л. Константиновского, Ф.Э. Шереги [23]. Отмечается сужение как социальной базы, так и территориального ареала пополнения студенчества: уже в середине 1990-х годов в его составе возрос удельный вес детей из

высокоресурсных групп – предпринимателей, интеллигенции и служащих, и, соответственно, снизилась доля детей работников физического труда.

Результаты образовательного неравенства акцентируются в литературе, посвященной проблемам основанного на знаниях и доступе к информации постиндустриального общества, где знание становится основным элементом общественного богатства. Интеллектуальное расслоение постепенно становится основой всякого иного социального неравенства, а проблема усугубляется тем, что знание, в отличие от материальных ценностей, неотделимо от своего носителя: его нельзя отнять, национализировать, перераспределить в пользу нуждающихся, и, следовательно, наследственная принадлежность к нынешнему "низшему классу" гораздо более жестка, чем принадлежность к индустриальному пролетариату [15; 24].

Неравенство в профессиональной сфере: неравное вознаграждение.

Классовое неравенство в профессиональной сфере проявляется не только в разном уровне оплаты, но в самом содержании и условиях труда: занятые физическим трудом заменимы; менее свободны в использовании своего рабочего времени; их рабочие места менее надежны; они имеют меньше шансов на карьерное продвижение. Структурные изменения на западном рынке труда также наиболее неблагоприятны для представителей рабочего класса: они характеризуются ростом числа рабочих мест на неполную рабочую неделю, временных и низкооплачиваемых, и соответственным сокращением доли "хороших" рабочих мест. Средний же класс характеризуется и более содержательной, и выше оплачиваемой работой, а растущий сектор услуг и производства интеллектуальных продуктов обеспечивает ему более стабильную занятость.

Наиболее глубоко прогрессирующее неравенство в профессиональной сфере рассмотрено Р. Мертоном в его статьях разных лет "Эффект Матфея в науке" [25], посвященных феномену получения неравного вознаграждения именитыми учеными и их малоизвестными коллегами за одинаковый вклад в

научное исследование. Мертон объясняет это склонностью научного мира вознаграждать уже известных людей; психологической особенностью читателей относить первенство в публикации хорошо известному автору. Престиж известных ученых притягивает материальные и человеческие ресурсы в возглавляемые ими научные школы, что усиливает концентрацию ресурсов и талантов в одних научных центрах и препятствует другим достичь такого же уровня.

Подобную проблему в России сегодня поднимает, например, Г.С. Батыгин в контексте распределения ресурсов финансирования научных исследований [26]. Он выделяет такие факторы "эффекта Матфея" в российской науке, как научные регалии, принадлежность заявителей в конкурсах грантов к "проверенной" (привилегированной) научной школе, а также умение оформлять проект "по всем правилам бюрократической науки".

Исследования Т.И. Заславской и М.А. Шабановой [26] дают материал о кумулятивных процессах социального неравенства с точки зрения защиты трудовых прав работников. Занимающие более высокие социальные позиции (например, работодатели) имеют возможности устанавливать правила в соответствии со своими интересами, а значит, упрочивать свои преимущества за счет тех, кто исключен из властных ресурсов. Попадание низкоресурсных работников (не имеющих надежных институционально-правовых противовесов произволу работодателей) в неправовое пространство аналогично попаданию в воронку: чем менее благоприятные позиции занимают они на шкале социальных неравенств, тем чаще нарушаются их трудовые права и тем меньше шансов у них эти права отстаивать. Более же "сильные" социальные группы, напротив, чаще включаются во *взаимовыгодные* неправовые взаимодействия друг с другом.

Государственная социальная политика: характер перераспределения ресурсов. Сегодня постсоветская система социальной защиты нередко удаляет от ресурсов государственной поддержки именно наиболее остро

нуждающихся. Созданная для выравнивания возможностей, она самим характером своей деятельности часто усиливает неравенство: к льготам легче получить доступ тем, кто *имеет ресурсы* (например, ссуды на строительство жилья получают вынужденные мигранты, имеющие нередко достаточный семейный доход; на обучение, вероятнее всего, будут направлены те имеющие социальные ресурсы безработные, которые добудут справки о возможности своего будущего трудоустройства []). По имеющимся оценкам, лишь 19% государственной социальной помощи достаются семьям, живущим за чертой бедности, остальное же "размазывается" по многочисленным категориям льготников [].

Существует порядок распределения социальной помощи в России сегодня не ругает только ленивый. Однако западный опыт показывает, что и адресный принцип не обеспечивает более высокие жизненные шансы "исключенных". Так, в числе 6 сил, удерживающих андекласс на социальном дне, называется система пособий, способствующая формированию "ловушек бедности" []. Помощь, основанная на проверке нуждаемости претендентов, не стимулирует получателей пособий самостоятельно решать свои проблемы.

Установки и типы экономического поведения людей. На увеличение разрыва между бедными и богатыми влияют, кроме объективных факторов, ценности и мотивации людей в экономической сфере, приводящие к разным моделям социально-экономической адаптации в целом. Исследование ментальных установок и особенностей индивидуального поведения социальных низов было популярно в англо-американской социологии 1960-х г., в частности, в концепции "культуры бедности" О. Льюиса [], где индивидуальные качества бедняков рассматривались как главная причина их пребывания на социальном дне.

Результаты исследований свидетельствуют о наличии тесной связи между длительным ухудшением условий жизни и снижением у многих людей уровня социальных потребностей, притязаний и активности. В. Бойков

[] называет это механизмом регресса, приводящим к люмпенизации части населения. Он заключается в том, что в процессе снижения уровня жизни из сознания людей вымываются сложные социокультурные потребности, для них становится характерной жизнь одним днем, установка на выживание. В свою очередь, подобные установки бумерангом возвращаются в хозяйственную практику. К. Муздыбаев [] также отмечает, что социальный опыт и навыки преодоления материальных трудностей у бедных неэффективны и ориентированы на выживание, а не на преодоление бедности.

Неэффективные стратегии являются и следствием, и причиной плохого экономического положения людей. Так, П. Штомпка [] утверждает, что следы "блоковой культуры" в наибольшей степени характерны для "проигравших" в ходе реформ, в то время как успешно адаптирующиеся принимают капиталистическую культуру и обращаются к идеям индивидуальной свободы, прагматизма, эффективности. Для последних характерны инновационные экономические стратегии, способствующие накоплению их экономического, человеческого и социального капитала как трамплина для успешной карьеры и подъема уровня жизни. Пассивные же стратегии в большей степени характерны для "проигравших" социальных групп.

"Неправильные" культурные установки часто формируются уже в процессе социализации детей. В связи с этим важной проблемой является межпоколенная передача депривации в беднейших семьях. Существуют данные о том, что в стабильных (благополучных) территориальных единицах вырастают успешные поколения, и наоборот [11], то есть передача различных форм преимуществ или депривации не ограничивается лишь влиянием семьи, но помещена в более широкий контекст. Данные зарубежных исследований показывают позитивную связь между плохими жилищными условиями и делинквентностью детей и подростков, их плохой

учебой. Это даже породило термины "семьи с множественными проблемами" или "цикл передаваемой депривации": депривированные в детстве люди становятся родителями следующего поколения депривированных детей.

В российской социологии также встречаются упоминания о том, что в семьях разного уровня благосостояния дети социализируются в разных типах экономической культуры. Например, данные исследования экономической активности старшеклассников [] позволяют предположить, что в России развивается межпоколенная имущественная преемственность – доля подростков, желающих стать богатыми (и предпринимающих для этого реальные шаги), выше среди выходцев из богатых семей, чем из семей с низким уровнем жизни.

Разрыв социальных связей. Условия, в которых осуществляется совместное использование и воспроизводство ресурсов, оказывает сильнейшее влияние на генерирование человеческого капитала []. Окружающим свойственно тянуться к успешным, счастливым людям, повышая таким образом их социальный капитал. Неблагоприятные же жизненные события (потеря работы, дохода, болезнь), в свою очередь, нередко снижают социальный капитал индивидов, сокращая, соответственно, и их ресурсную базу в целом.

Особенно большое внимание распаду социальных связей уделяется в концепции социального исключения. Приводятся данные, что в целом ряде европейских стран наблюдаются сильные позитивные корреляции между нестабильностью на рынке труда и разрушением брака, особенно у мужчин. Еще в исследованиях П. Лазарсфельда в 1930-е годы отмечался феномен "ухода в себя" безработных, их социальной изоляции, и те же результаты показали исследования 1990-х годов. Авторы приходят к выводу, что в странах с самым низким уровнем бедности (Франция, Англия, Германия) бедные оказываются в изолированном меньшинстве, и потеря работы почти автоматически ведет к остальным затруднениям [8]; бедные оказываются

отвергнутым меньшинством, а благополучное большинство живет в страхе попасть в их число.

Не последнюю роль в исключении нуждающихся от социальных ресурсов играет стигматизация живущих на государственные пособия [9, 11]. Происходит конструирование бедности как особого (обесцененного) социального статуса. Это явление, в меньшей степени характерное для России и в большей – для западной культуры индивидуализма и достижений, в которой бедность считается результатом лени, вредных привычек, низкой мотивации к труду. Однако и в современной России наблюдается тенденция того, что бедные, нуждаясь в помощи, в меньшей степени могут рассчитывать на нее по сравнению с более благополучными социальными группами. Так, отмечается отталкивающий образ бедного в глазах окружающих – плохо одетого, выражающего своим депрессивным стилем поведения пессимизм и беспомощность, являющихся следствием постоянных лишений и повторяющихся неудач.

Факторы и механизмы, препятствующие социальной поляризации.

Гораздо меньшее количество публикаций посвящены стихийным и целенаправленным механизмам противодействия "Эффекту Матфея". Например, о существовании предельной меры концентрации научных ресурсов писал в уже называвшихся работах Р. Мертон. У Т. Шанина [] есть упоминание о стихийной "уравнительной тенденции", препятствующей экономической поляризации крестьянских хозяйств начала XX в. в России. Наряду с интенсивными поляризационными процессами между зажиточными и маломощными хозяйствами наблюдались и встречные процессы уравнивания, связанные с разделом, слиянием, уходом и вымиранием хозяйств. Например, самый высокий уровень миграции в города демонстрировали полюсные группы: выходцы из наиболее богатых хозяйств

уходили в купеческую деятельность мелких и средних городов, из беднейших – пополняли ряды городского пролетариата.

Возможность вертикальной внутриорганизационной мобильности как определяющий фактор низкого уровня классового самосознания и снижения остроты классовых конфликтов рассматривается в статье, посвященной японской системе "социального корпоратизма" []. Рабочие интегрированы в организацию через многочисленные подразделения и иерархии, нарушающие классовые и статусные линии и, таким образом, препятствующие солидарности рабочих и классовой поляризации. Это ведет к известному феномену японской организационной культуры – высокой степени лояльности и идентификации работников с компанией.

О факторах разрыва "циклов депривации" пишут М. Рутгер и Н. Мадж. Они приводят данные, что половина детей, родившихся в "депривированных" семьях, не воспроизводят родительских образцов депривации. Это объясняется индивидуальными качествами детей, когда реакции на стрессовые ситуации модифицируются характеристиками их темперамента. Активные, эмоционально устойчивые и обладающие способностью рефлексии дети в меньшей степени подвержены задержкам развития в дестимулирующих условиях. Было установлено также, что для того, чтобы ребенок из неблагополучной семьи вырос "нормальным", может быть достаточно всего нескольких "хороших" факторов, связанных с его окружением. У ребенка, живущего в неблагополучной семье, адаптивная способность повышается при наличии хороших (близких) отношений хотя бы с кем-то из взрослых [11]. Был отмечен интересный факт, что межпоколенные неблагоприятные социальные обстоятельства с меньшей вероятностью передаются дочерям, чем сыновьям. Исследователи высказывают предположение, что замужество – это реальная возможность выйти из порочного семейного круга "множественных проблем", поскольку женская брачная мобильность чаще мужской носит восходящий характер.

Кроме того, девочки характеризуются более тесными эмоциональными связями со взрослыми, прежде всего, матерями, и это, возможно, является тем самым "хорошим" фактором, способствующим разрыву цикла депривации [11, p.253].

Прикладным аспектом научных исследований процессов социального исключения является выработка целенаправленных институциональных механизмов предотвращения накопления неблагоприятных социальных обстоятельств.

Возможности эмпирического изучения кумулятивных социальных процессов. Выработка строгих статистических моделей, позволяющих не только описать процесс накопления преимуществ богатых, с одной стороны и углубления бедности – с другой, но измерить степень выраженности, вес тех или иных факторов, способствующих или препятствующих поляризации, и их взаимосвязи – задача, которая до сих пор не получила удовлетворительного решения. Основная сложность исследований такого рода заключается в необходимости учесть динамику процессов углубления неравенства, в то время как большинство исследований социальной структуры ориентировано на "статическую", фиксацию тех или иных социальных групп, являющихся результатом уже сложившегося неравенства.

Назовем два типа данных, потенциально позволяющих справиться с этой задачей. Первый – данные разовых исследований, которые не только фиксируют состояние индивида на данный момент по ряду параметров, но и содержат сведения более раннего периода о социальном происхождении, местожительстве, образовании. В этом случае исследователь сопоставляет прошлые и настоящее состояния респондента.

Поставщиком данных второго типа являются лонгитюдные, или панельные, исследования. Здесь, при сохранении возможностей

сопоставления начального и конечного состояний, исследователь может наблюдать последовательность смены состояний респондентов, в отдельных случаях – повысить устойчивость оценок параметров моделей за счет наличия повторных наблюдений, а также вводить более сложные модели, в которых оцениваются не только существующие эффекты воздействия факторов, но и изменение силы этих воздействий во времени []. Как правило, экспериментальные западные исследования по накапливаемым социальным преимуществам опираются на масштабные, репрезентативные базы опросов. Доступны уникальные лонгитюдные данные более чем за 30-летний период (например, исследование динамики доходов населения, проводимое университетом Мичигана []). Отечественные лонгитюдные базы данных открытого доступа только начинают формироваться, но уже сейчас есть результаты 6 сопоставимых панелей Российского мониторинга экономики и здоровья, охватывающих период с 1994 по 2001 год [].

Анализ зарубежных публикаций позволяет говорить о сформировавшейся методологии статистических исследований процессов накапливания преимуществ. Предварительное изучение наличия взаимосвязей между парами переменных (занятость и состояние здоровья, образование и удовлетворенность финансовым положением и т.д.) проводится с помощью традиционных инструментов описательной статистики – линейных и ранговых корреляций и кросстабуляций. При необходимости все эти инструменты позволяют сделать проверки на статистическую значимость обнаруженных взаимосвязей. Если теория предполагает существование зависимостей в наборе переменных, продуктивной становится статистическая оценка влияния отдельных факторов и их взаимодействий на зависимую переменную посредством регрессионных моделей. Множественная линейная регрессия применима, если зависимая переменная является числовой. Так, например, в работе С. Шимана для изучения одного из показателей социальной включенности –

ощущения способности влиять на происходящее – был построен индекс самочувствия, который затем был введен в модель линейной регрессии в качестве отклика [].

Среди независимых переменных (предикторов) модели наиболее часто можно встретить пол, возраст, образование, семейное положение. Остальные предикторы определяются спецификой исследования. В случае, если требуется оценить вероятность индивида оказаться в том или ином состоянии под воздействием набора факторов, используются логлинейные модификации регрессии, в частности, пробит и логит модели. Примеры построения логлинейных моделей процессов накопления преимуществ можно найти в работах К. Макклеланда, С. Лукаса [].

Лонгитюдные исследования неизбежно связаны с отсевом индивидов от наблюдения к наблюдению и с появлением новых участников панели (цензурированием). Модель регрессии Кокса позволяет оценивать параметры с учетом как полных, так и цензурированных данных. Эти преимущества использует Т. Корпи при оценке детерминант риска перехода в состояние безработицы для занятых и "риска" перехода в состояние занятости для безработных [10].

Поскольку число факторов, отобранных исследователем как потенциально влияющих на зависимую переменную, обычно велико, встает проблема поиска наиболее простой регрессионной модели, обеспечивающей приемлемый уровень детерминации. Здесь на помощь приходят специальные инструменты поиска простых моделей, реализованные в статистических программных пакетах, которые производят оценку главных эффектов, двойных взаимодействий и взаимодействий высших порядков, проверку их значимости и отсев статистически незначимых элементов модели.

Помимо статистических, продуктивны также качественные методы изучения процесса аккумуляции неблагоприятных жизненных обстоятельств (либо выхода из этого порочного круга) путем углубленных интервью и

анализа биографий, поскольку известно, что важным фактором этого процесса являются модели социализации и специфика жизненного опыта. Традиционно использование качественных методов в ходе выдвижения гипотез, которые предполагается представить к статистической проверке.

Заключение. В самом общем виде процесс накопления преимуществ богатых можно описать большое количество примеров кумулятивного характера социального неравенства и сделать предположения о факторах, как способствующих, так и препятствующих "эффекту Матфея", а также о наиболее адекватных методах изучения этих процессов на эмпирическом материале. В самом общем виде процесс накопления преимуществ можно описать как эффективное использование ресурсов, необходимых для достижения значимых жизненных целей, и расширение спектра доступных ресурсов по мере продвижения вверх. Напротив, процессы углубления депривации – это нисходящее движение, когда каждая ступенька вниз, подобно воронке, сужает спектр доступных индивиду ресурсам и затягивает его еще ниже. Последствия кумулятивных социальных процессов и их причины тесно переплетены и взаимообусловлены, поэтому наиболее адекватно описывать их в терминах "цепочки преимуществ" или "замкнутых кругов депривации".

Процессы накопления преимуществ тесно связаны с развитием человеческого капитала. Они приводят к эффекту *самовоспроизводства ресурсов*, когда для достижения целей более высокого порядка индивидам приходится прилагать *меньше* индивидуальных усилий за счет более эффективного использования ресурсов. Ориентированность же на "выживание", строго говоря, в долгосрочной перспективе не способствует даже выживанию индивидов (семей), поскольку все более удаляет их от "лидеров", активно адаптирующихся к происходящим в обществе изменениям. По мере углубления в "воронку депривации" у людей все

меньше возможностей самостоятельно оттуда выбраться, и приостановить этот процесс может только вмешательство извне, в частности, целенаправленные воздействия политики государства.

Однако подчеркнем еще раз, что для количественного анализа аккумуляции неравенства, установления "веса" факторов, препятствующих и способствующих ему, необходимо понимание многофакторных и интерактивных каузальных процессов, цепочки обстоятельств, а не идентификация и описание "случаев". Остается открытой тема о взаимодействии разных форм депривации, их механизмов, условий, при которых они усиливают или, напротив, нейтрализуют друг друга.

Как нетрудно заметить, кумулятивный характер социального неравенства, в особенности передача привилегий и лишений из поколения в поколение, имеет прямой выход на проблему справедливости. Посредством категории "социальной справедливости" маскируются взаимоисключающие интересы разных социальных групп и слоев; концепции справедливости владельцев ресурсов и неимущих классов прямо противоположны так же, как и точки зрения на проблему "Эффекта Матфея". Отсюда и высокая оценочная нагруженность этой темы, трудность для исследователя оставаться идеологически нейтральным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Заславская Т.И.* Социоструктурный аспект трансформации российского общества // Социол. исслед. 2001. № 8.
2. Новости РБК, 19 февраля 2003 г. <http://top.rbc.ru/index1.shtml>.
3. *Штомпка П.* Понятие социальной структуры: попытка обобщения // Социол. исслед. 2001. № 9.
4. *Нуреев Р.М.* Теории развития: кейнсианские модели становления рыночной экономики // Вопросы экономики. 2000. № 4.
5. *Култыгин В.П.* Исследования социальной структуры в переходных обществах // Социол. исслед. 2002. № 4.
6. *Giddens A.* Central Problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis. Berkeley: University of California Press, 1979.
7. *Абрахамсон П.* Социальная эксклюзия и бедность // Общественные науки и современность. 2001. № 2.
8. *Paugam S.*, Poverty and Social Disqualification: a Comparative Analysis of Cumulative Social Disadvantage in Europe // Journal of European Social Policy. 1996. Vol. 6. № 4.
9. *Martin C.*, French Review Article: The Debate in France over “Social Exclusion” // Social Policy & Administration. 1996. Vol. 30. № 4.
10. *Korpi T.* Accumulating Disadvantage. Longitudinal Analyses of Unemployment and Physical Health in Representative Samples of the Swedish Population // European Sociological Review. 2001. Vol. 17.
11. *Rutter M., Madge N.* Cycles of Disadvantage: A Review of Research. L.: Heinemann, 1976.
12. *Бородкин Ф.М.* Социальные эксклюзии // Социологический журнал. 2000. № 3, 4.

13. *Чернина Н.В.* Эксклюзия сельского населения: опыт социологического исследования // Сибирская деревня в период трансформации социально-экономических отношений. Новосибирск, 1996.
14. *Lokshin M., Yemtsov R.* Household Strategies for Coping with Poverty and Social Exclusion in Post-Crisis Russia. Web-сайт Всемирного банка: <http://info.worldbank.org/etools/docs/pm2-lokshin.pdf>
15. *Бойков В.Э.* Россия: десять лет реформирования // Социол. исслед. 2001. № 7.
16. *Molenaar, P.C.M.* Longitudinal Analysis / Research Methodology in the Social, Behaviourial and Life Sciences / Ed. by H.J. Adèr and G.J. Mellenbergh. L.: Sage, 1999.
17. Web-сайт исследования <http://www.isr.umich.edu/src/psid/>
18. Web-сайт исследования <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms/home.html>
19. *Schieman S.* Age, Education, and the Sense of Control // Research of Aging. 2001. Vol. 23. № 2.
20. *McClelland K.* Cumulative Disadvantage Among the Highly Ambitious // Sociology of Education. 1990. Vol. 63. Issue 2; *Lucas S.* Effectively Maintained Inequality: Education Transitions, Track Mobility, and Social Background Effects // American Journal of Sociology. 2001. Vol. 106. № 6.
21. *Иноземцев В.Л.* Постиндустриальное хозяйство и "постиндустриальное" общество // Общественные науки и современность. 2001. № 3; *Ракитянский Н.М.* Россия и вызовы глобализации // Социол. исслед. 2002. № 4.
22. *Робертс Б.* Неформальная экономика и семейные стратегии / Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М., 1999.
23. *Барсукова С.Ю., Радаев В.В.* Легенда о гендере. Принципы распределения труда между супругами в современной городской семье // Мир России. 2000. № 4.

24. *Pahl R.* Divisions of Labour. Oxford: Basil Blackwell, 1984.
25. *Becker G.S.* Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education. 3rd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1993.
26. *Сорокина Н.Д.* Проблема взаимосвязи образования и социальной дифференциации в зарубежной социологии // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 2001. № 2.
27. *Деруэ Ж.-Л.* Социология образования: в поисках общества // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Том II. Современная французская социология.
28. *Доманьский Х.* Появление в Польше меритократии // Социол. исслед. 2002. № 6.
29. *Константиновский Д.Л.* Динамика неравенства. Российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования. М., 1999; *Шереги Ф.Э., Харчева В.Г., Сериков В.В.* Социология образования: прикладной аспект. М., 1997.
30. *Иноземцев В.Л.* "Класс интеллектуалов" в постиндустриальном обществе // Социол. исслед. 2000. № 6;
31. *Merton R.K.* The Matthew Effect in Science // Science, 5 January 1968; *Merton R.K.* The Matthew effect in science II: Cumulative advantage and the symbolism of intellectual property // Isis, 1988. Vol. 79.
32. *Батыгин Г.С.* Невидимая граница: грантовая поддержка и реструктурирование научного сообщества в России // Науковедение. 2000. № 4.
33. *Заславская Т.И., Шабанова М.А.* Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России // Социол. исслед. 2002. № 6.
34. *Балабанова Е.С.* Вынужденные мигранты: стратегии совладания с жизненными трудностями // Экономическая социология. 2000. Том 1. № 2. <http://www.ecsoc.msses.ru>.

35. *Дмитриев М.Е.* Социальные реформы в России: итоги и ближайшие перспективы // *Общественные науки и современность.* 1998. № 5. С. 21-22.
36. *Field F.* *Losing Out: The Emergence of Britain's Underclass.* Oxford: Basil Blackwell, 1989.
37. *Lewis O.* *La Vida.* NY: Random House, 1968.
38. *Муздыбаев К.* Переживание бедности как социальной неудачи: атрибуция ответственности, стратегии совладания и индикаторы депривации // *Социологический журнал.* 2001. № 1.
39. *Штомпка П.* Культурная травма в посткоммунистическом обществе // *Социо. исслед.* 2001. № 2.
40. *Борисова Л.Г.* Подросток в бизнесе: социализация или девиация? // *Социол. исслед.* 2001. № 9.
41. *Coleman J.S.* Social capital in the creation of human capital // *American Journal of Sociology,* 1988. Vol. 94.
42. *Шанин Т.* Социально-экономическая мобильность и история сельской России 1095-1930 гг. // *Социол. исслед.* 2002. № 1.
43. *Lincoln J.R., Kalleberg A.L.* Work Organization and Workforce Commitment: A Study of Plants and Employees in the US and Japan // *American Sociological Review,* 1985. Vol. 50.
44. *Halvorsen R.* Against the Matthew Effect? Cultural opportunity structures and social mobilisation by the socially excluded.
<http://www.sv.ntnu.no/iss/Rune.Halvorsen/papers.htm>